

**ПОЭМЫ ГЕРОЯ:
АЛЕКСАНДР РЕВИЧ***Ксения Алексеевна Позднякова*

Переводчик, журналист.

Работает в Комитете по культуре Государственной Думы,
помощник депутата.

Адрес: 103265, Москва, ул. Охотный ряд, д. 1.

E-mail: ksenia.pozdnyakova@gmail.com

Александр Михайлович Ревич (1921–2012) — поэт, переводчик, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Лауреат Государственной премии Российской Федерации в области литературы (1998 г., за перевод «Трагических поэм» Теодора Агриппы д’Обинье). Ветеран Великой Отечественной войны, участник Сталинградской битвы. Имел 20 наград, среди которых два ордена Великой Отечественной войны I и II степени, медаль «За оборону Сталинграда» и др. Автор книг «След огня: стихи, поэма» (М.: Советский писатель, 1970), «Чаша: Стихотворения. Поэмы. Переводы» (М.: Ладомир, 1999), «Дарованные дни: стихи, поэмы, переводы» (М.: Время, 2004), «Из книги жизни: поэмы, записки поэта», (М.: «Радуга», 2007), «Позднее прощание: лирика, поэмы, записки» (М.: Русский импульс, 2010), «Перед светом: О войне. О Москве» (Русский импульс, Издательский дом «Вече», 2013), «“...А в небе ангелы летят”. Военные стихи и поэмы» (М.: Этерна, 2013). Все поэмы Ревича написаны исключительно на основе его жизненного опыта. Это и определило характер статьи — здесь литературоведческий разбор неотрывает от рассказа о личности автора-героя.

Ключевые слова: А. М. Ревич, поэма «Начало», соотношение искусства и действительности, экзистенциальный опыт.

DOI 10.17323/2658-5413-2020-3-2-102-113

Кто-то прочтет, может быть, что-то поймет...

А. М. Ревич. Из поэмы «Начало»

1946–1959

22 июня исполняется 79 лет с начала Великой Отечественной войны. Огромный отрезок времени отделяет нас от тех событий. А с нынешним ритмом жизни — и просто гигантский. Во всех смыслах — прошлый век. Конечно, есть фильмы, книги, скудные рассказы ветеранов, которых становится все меньше и меньше. А человек живет настоящим, сиюминутным. Война воспринимается отдаленно, как картинка в телевизоре. Страх притупляется.

В одном фильме середины 1980-х главный герой заметил: «Когда говорю о войне, вежливо слушают. Вежливо, но не более. А вот когда в бане видят шрамы от ран, глаза все-таки становятся иными. Мало, слишком мало наши дети видят шрамов и много — красивых иллюстраций». С тех пор мы еще сильнее отделились от тех страшных четырех с половиной лет, еще больше привыкли к нашей пусть не всегда простой, но в целом комфортной и мирной жизни, где любое ограничение воспринимается как вселенская катастрофа. Вероятно, именно поэтому сегодня редко услышишь «Лишь бы не было войны», зато частенько на машинах появляется «1941–1945. Можем повторить». Пустая бравада, за которой зачастую ничего не стоит. Даже простого вопроса: «А сдюжим ли? А вдруг, как в песне, если *завтра* война, если *завтра* в поход?» Кстати, композиция братьев Покрасс на слова В. И. Лебедева-Кумача впервые прозвучала в 1938 г. в киноленте, которая так и называлась — «Если завтра война...».

Проверить «если... то» довелось уже через три года. И никто оказался не готов, хотя не так давно отгремела Первая мировая, еще не успели прийти в себя после Гражданской и Советско-финской войн. И всю горела Вторая мировая. Но, казалось, далеко, до нас не дойдет.

Думал ли об этом мальчишка в 19 лет? Что ему какая-то война, у него все впереди. Он только окончил школу, прошел кавалерийское училище во Владикавказе, назначен на западную границу в Молдавию, прибыл в Одессу за назначением.

Я не хотел о войне,
я совсем не хотел о войне,
я хотел о весне,
а начал о раннем лете,
о сведенных бровях девятнадцати лет,
когда свисает с ремня пистолет,
когда в петлицах по кубарю¹,

¹ Кубарями назывались лейтенантские погоны.

когда в кармане бесплатный билет
 в неизвестное...
 Суббота. Праздный поток
 летней бульварной толпы.
 Раскачивают столбы.
 Желтый фонарный свет
 в глазах девятнадцати лет.
 Было — и нет.

Вечернее море,
 очерченное свинцовой каймой.
 Такой
 покой.
 Было — и нет.

Это только «Начало». Во всех смыслах. О будущей поэме с таким названием тогда, в Одессе, в июне сорок первого, мысли нет. Как и о том, что впереди — долгий путь: бои пришлось вести не только с внешними, но и с внутренними врагами. Где взять сил, как пройти нескончаемый поток испытаний, не сдать-ся, не струсить, не сбежать. Кто-то скажет: «В молодости и не такое возможно». А теперь вспомните свои девятнадцать. Было ли что-то страшнее несданного экзамена или случайно поцарапанной папиной машины? Вряд ли.

Где же — враг?
 ...И вдруг —
 рев машин у скрещенья дорог,
 шоссе — большаку поперек,
 и танки, мечены белым крестом,
 медленным строем катят.
 Ни бугра, ни оврага —
 степь — гладкая скатерть.
 Степь — слева,
 степь — справа...
 К бою!
 Повод!
 Марш-марш!

Некуда скрыться, за тобой родная земля. Нельзя в любой момент, как в компьютерной стрелялке, начать сначала, выбрав новую миссию и полный комплект снаряжения. Здесь все по-настоящему, по-взрослому. Никого не волнует, что тебя к этому не готовили даже в военном училище.

И уже эскадроны дрогнули лавой,
и уже только ветер в глаза,
только пули...
За Родину!
За!..
И уже только взрыв
И — через конскую голову в травы.
Неужели сорвался прорыв?

Нет ответа. То ли контузия, то ли сильный удар. Пришел в себя. Конь убит. Вокруг вражеские мотоциклисты. Не сбежать. Конвой, допрос. Пристрелят или угодишь в плен. Черт его знает, что страшнее. Может быть, лучше получить пулю в лоб прямо на месте, чем видеть, как сдается в плен обезоруженная пехота. Дальше по пути следования эшелона с пленными видеть измученных людей, испуганных детей, перевернутые орудия. Понимать собственное бессилие и незавидность участи.

Что бы выбрали вы?

Я никогда не бывал в аду,
скоро туда войду.
Собственно, ад уже начался —
Первый огненный круг.
Нет обратных дорог,
все отрезаны начисто.
Что же нас ждет в остальных кругах?

Впереди был побег. А затем долгий путь на восток, к своим. Сотни верст по вражьему тылу. И только одно желание: вернуться в строй, чтобы бить врага.

В начале войны установка звучала очень просто: в плен не сдаваться. Если окружают — делай что хочешь, но живым не давайся. А тех, кто все-таки оказывался захвачен и чудом выбирался, подозревали в сотрудничестве с нацистами: раз бежал — значит, позволили, значит, шпион. А с ними по закону военного времени разговор короткий.

Штрафбат, конечно, лучший выход.

Мы дойдем.
Мы скажем: страна, мы прошли через ад.
Дай пару гранат,
дай автомат,
посади на коня.
Если в чем виноват —
в штрафники!
Вот мои две руки.
(«Начало»)

Допрос в особом отделе — Смерше («Смерть шпионам!» — таково полное название подразделений контрразведки). От одного названия веет ужасом. Неужели все напрасно, раз даже свои не верят, обвиняют в предательстве? Значит, трибунал? Расстрел? Горечь и ощущение несправедливости. За что? Ведь тебе всего двадцать.

Числа спутались в календаре,
может, все часы на свете стали
вслед за приговором в трибунале:
сдался в плен и сдал своих солдат...
к высшей мере!.. заменить!.. штрафбат!..
(«Поэма дороги»)

Но на практике и штрафбат — верная смерть: в бой штрафники шли первыми. Та же высшая мера, только с отсрочкой приговора. Все равно что пройти по минному полю. Что чувствовал до времени повзрослевший мальчишка, о чем думал?

В ночь, когда нас бросили в прорыв,
был я ранен, но остался жив,
чтоб сказать хотя бы о немногом.
Я лежал на четырех ветрах,
молодой безбожный вертопрах,
почему-то береженный Богом.
(«Поэма дороги»)

Первое ранение. Повезло, подобрали санитары. Госпиталь. Снова фронт — на сей раз Сталинград. Город разрушен, в руинах. Ни одного целого здания, лишь обугленные камни напоминали о жилых кварталах, магазинах, театрах.

За элеватором вдали
развалин груды залегли,
там были улицы когда-то
и двухэтажный старый дом,
я побывал однажды в нем,
теперь там пусто — все вверх дном,
лишь едкий дым ползет в пролом,
все уничтожено огнем
и все исчезло без возврата.
Где люди? Где привычный быт?
Ни быта, ни могильных плит.
Снаряды били по траншее
и рельсам свертывали шеи.
Дробился камень, как стекло.
(«Поэма о единственном дне»)

Снова ранение. На сей раз невероятно тяжелое: в грудь и позвоночник. Тыл. Госпиталь. Уральский город Златоуст. Удивление тишине, трамваям, медсестрам. Отчаянное желание вернуться на фронт. Юноше всего двадцать с небольшим. Скуластое лицо, высокий лоб, заливчатый кудрявый чуб и пронзительный, серьезный взгляд.

Заснеженный качался склон,
дрожало дно глухого лога,
откуда началась дорога,
далекая, в страну врага,
через разливы и снега.

Просто сюжет для романа или эпической поэмы. Только придумать такое невозможно, не пережив. Ни один сценарист не способен вообразить, как было на самом деле. А те, кто знал, не слишком любили распространяться. Это заметно и по фильмам, и по книгам. Даже сравнивать нечего то, что написано или снято настоящими фронтовиками, и то, что сделано по мотивам. Персональный опыт до конца невозможно передать, понять что-то о себе, своем месте в этом мире человек способен лишь самостоятельно. «Вспоминать войну непереносимо: слишком много высокого и низкого пришлось увидеть. Вся моя остальная жизнь накладывалась на пережитую войну. О войне любят говорить те, кто там не был», — признавался в кругу родных Александр Михайлович Ревич, поэт, переводчик, профессор Литературного института имени Горького. Тот самый мальчик из страны девятнадцати лет, который «совсем не хотел о войне», тот «молодой безбожный вертопрах, почему-то береженный Богом». И автор порядка тридцати маленьких поэм, настоящих литературных шедевров, из которых пять посвящены военным событиям.

Даже с нами, своими студентами, он охотно делился знаниями, но не ужасами пережитого, щадил, приговаривая: «Зачем вас пугать?» И каждый раз, принимая поздравления на 9 Мая, отвечал: «Был бы защитником Отечества, немцы бы до Москвы не дошли». И только в стихотворных текстах был предельно откровенен, не исключал своего присутствия в качестве героя. Читая его военные поэмы «Начало», «Поэма о единственном дне», «Поэма дороги», «20 июня 1941» и «Поэма о городе Дубровнике», где хоть и нет боевых действий, но все равно речь идет о Великой Отечественной, точнее, о ее человеческих последствиях, невольно ловишь себя на мысли, что перед тобой дневник, только зарифмованный. Как сказано в «Начале»: «Все было так, ни слова вычеркнуть не могу...»

При этом поэмы, где все держится на сюжете, требуют особой манеры повествования, тщательного подбора выразительных средств, чтобы каждый звук,

каждая вроде бы случайно упомянутая деталь работала на целостность произведения. Вот «20 июня 1941»:

В окно вагона ветер резкий
влетал, вздувая занавески,
равнина, оттеснив леса,
вращалась вроде колеса,
звенели ложечки в стаканах,
и слышались соседей пьяных
из коридора голоса,
стучали невпопад колеса,
им подпевал хриплоголосо
нестройный хор о том, как «спят
курганы темные», а следом —
«шумел камыш», и с этим бредом —
опять колеса невпопад,
мелькали путевые будки,
платформы, ветки чахлых крон,
и пыльный харьковский перрон
проплыл, как дым от самокрутки,
и в будущее мчал вагон,
оставив позади побудки,
подъемы, плац и полигон,
сон без просвета в промежутке —
с вареным мясом пшенный суп
и трещины соленых губ,
и лейтенант, хлебнувший воли,
скрипя ремнями напоказ,
форсил всюю не оттого ли,
что ехал в мягком в первый раз,
врал и не мог остановиться,
поскольку верил, что не врет,
а круглолицая девица,
раскрыв глаза, глядела в рот.

С первых же строк ты оказываешься попутчиком этого лейтенанта, слышишь нестройное пение, ощущаешь зной летнего дня, летишь вместе с ним навстречу неизвестному, на границу меж миром и войной. Текст насыщенный, ритмичный, как стук колес. Полное погружение. Начинаешь следить за судьбой героя, будто знаком с ним тысячу лет. В отличие от него ты точно знаешь, что уже через два дня вся эта жизнь с поездом, занавесками, ложечками разле-

тится на тысячи осколков. И все-таки малодушно надеешься, что опасность его не затронет.

Искусство поэзии есть средство передать единственный в своем роде экзистенциальный опыт, сделать его опытом читателя.

Порой художественная правда требует редукции жизненных событий. Так, в поэме «Начало» рассказано только об одном случае плена. На самом деле Ревич в плен попадал дважды. Но тонкое чутье подсказало автору, что эпизод про голодный лагерь перегрузит и без того насыщенное событиями повествование. Подряд два побега — чересчур. «Жизнь неправдоподобна, но искусство требует правдоподобия», — не уставал повторять Александр Михайлович. Под нож попали и награды. Из поэм читатель так и не узнает о том, как у молодого человека, прошедшего плен и нашедшего силы вернуться к своим, скрутили Красную Звезду и отобрали медаль «За отвагу». Первую позже вернули, вторую — нет. Впереди два ордена Отечественной войны, I и II степеней, медаль за «Оборону Сталинграда» — всего 20 наград. Но всем этим ради художественной правды пришлось пожертвовать.

В том же «Начале» применен любопытный прием: сюжет как бы раскалывается на две отдельные линии, одна — события первого военного полугодия с июля по конец ноября 1941 г., вторая — обсуждение происходившего во время допросов у представителя Смерша. Два пласта художественного времени. Еще один, третий, — время создания текста. Четвертый — время, когда мы читаем «Начало». Перекрестье четырех времен создает сильный драматический накал. Читатель ни на секунду не может оторваться как от словесной дуэли со следователем, так и от жутких сцен первых дней войны, когда буквально кожей чувствуется страх неизвестности и горечь отступления.

«Тяжело было писать о днях обороны Сталинграда. Бой, особенно ближний, тем более рукопашный бой, не поддается связному словесному выражению. В бою мы находимся скорее в бессознательном состоянии. Как бы в отключке. Память не фиксирует деталей», — написал Ревич в предисловии к книге «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы» (Ревич, 2013). Вероятно, именно поэтому в «Поэме о единственном дне», где действие происходит в Сталинграде, сюжет скреплен случайной встречей с прекрасной девушкой. Героям предстоит пережить вместе всего один летний день.

Немало было нам дано
за этот краткий день изведать.
Мы к двум успели пообедать,
а к трем часам попасть в кино.
(«Поэма о единственном дне»)

И как война разбила привычный быт, вторгшись со всем своим ужасом в каждый дом, так и в текст, где описывается более-менее мирная жизнь, то и дело врезаются картины ожесточенных боев за Сталинград. И летний жар мгновенно превращается в лютый холод: снова художественное время оказывается нелинейным, не таким, как в действительности, но оттого не менее правдивым.

Мы вышли к берегу реки,
пройдя сквозь толпы и тюки.
Как эти воды широки!
Как душно здесь в июле!

Уже настали холода,
уже несет ошметки льда
густая черная вода.

Удивительно действует этот резкий переход от тепла к стуже. Так бывает в лихорадке, когда человека бросает то в жар, то в холод, а в сознании вспыхивает полусон-полуявь. Видимо, в подобном состоянии герой мысленно обращается к матери своей случайной знакомой.

Простите, Клавдия Петровна,
что я с тех пор Вам не писал.
Нет поездов. Сгорел вокзал.
О чем я? Письма? Как нелепо!
Куда писать?
В дыму квартал.
Жилища нет — один подвал,
неумолимый холод склепа.

В этом странном горячечном состоянии герой ощущает хрупкость жизни, ее конечность, временность пребывания на этой земле. Испытания побуждают его серьезно задуматься над собственной судьбой, своим предназначением, местом в этом мире. На осмысление ушли годы. Большинство поэм создано спустя десятилетия после описываемых событий. Насколько корректно отождествлять автора и героя? Вопрос риторический. Мераб Мамардашвили в «Лекциях о Прусте» утверждал: «истина появляется тогда, когда твоя, действительно тобою испытанная жизнь как бы всплывает в тебе очищенная и ясная» (Мамардашвили, 1995). А в предисловии к книге «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы» Ревич признавался: «Господь меня уберег. Может, для того, чтобы я написал свою Книгу жизни». Он неоднократно повторял, что все поэмы основываются

только на лично пережитом, ничего в них не придумано. *Личный* экзистенциальный опыт превратился в путешествие внутрь себя, к самым страшным дням *нашей* истории.

И снова вой, и снова гром,
и рушится соседний дом,
и пламя взмыло за углом,
кирпичный град, железный лом
гремит и крушится кругом,
и все горит... и мы сгораем...
(«Поэма о единственном дне»)

Плотность текста, яркие чувства конкретных людей позволяют выйти на широкое обобщение. Сколько судеб вот так в один миг были разделены войной, когда «и сразу синеву накрыл // размах широких желтых крыл, // кресты метнулись из-за крыши»? Читателю не дают времени опомниться, переключиться: он почти физически ощущает горечь потери, пережитой героем, осознает краткость мига, отделяющего мир от войны. Подробное описание города, дома, где живет героиня со своей матерью, превращает Сталинград из точки на карте в твою собственную болевую точку.

Повествование буквально затягивает в события тех дней. Вот уже тебе, а не отвлеченному персонажу, 18 лет, и ты идешь в горку, держа за руку молодого лейтенанта. И, несмотря на то, что вы знакомы пару часов, боишься потерять его, будто самого дорогого человека в жизни.

Сталинград появился и в «Поэме о городе Дубровнике». После войны минуло почти сорок лет. Герой приезжает в Хорватию, где в толпе туристов замечает седовласого мужчину, общающегося со спутницей по-немецки. Одна случайно брошенная фраза «Es ist herrlich»¹ — и солнечный мирный день омрачается тенью воспоминаний о далекой битве. Всплывает картина ожесточенного боя.

...В сорок втором, в годину наших бед,
горел над Волгой элеватор старый,
вокруг пылали красные пожары,
и черный дым горелым пах зерном
Мы на рассвете взяли элеватор,
стрелял я на бегу из автомата,
но помнится лишь белое лицо,
в которое я выстрелил когда-то.

¹ Это превосходно (нем.).

Детальность картинка пугает и буквально душит запахом гари. Контраст становится еще заметнее, когда в тексте возникает образ соленой глади моря. Появляются вечные антагонисты: огонь и вода. Война и мир. Они все время вместе, ходят рядом. И чуть перестанут соблюдать спасительную дистанцию — начнется хаос.

Потом я сам побрел к соленой глади
и вдруг почувствовал: мне смотрят в спину,
я обернулся и увидел взгляд
безногого седого незнакомца.
Конечно, он глядел на грубый шрам,
пересекавший спину меж лопаток.
Что делать, если оба мы в заплатах?

В очередной раз возникает эффект присутствия, словно ты вместе с героями текста стоишь на пляже, наблюдая за их молчаливым диалогом. Достоверность происходящего подчеркивается глаголами «побрел», «почувствовал», «обернулся», «увидел». Внимание само собой притягивается к шраму. И почему-то именно в этот момент в голове всплывает мысль: не дай нам Бог попасть в ситуацию, в которой он был получен, и на своей шкуре узнать, что бывает, *если завтра война...*

Литература

- Мамардашвили М. К. (1995) Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem. URL <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/303781-merab-mamardashvili-lekt-sii-o-pruste-psihologicheskaya-topologiya-puti.html> (дата обращения: 29.04.2020).
- Ревич А. М. (2013) «...А в небе ангелы летят». Военные стихи и поэмы / сост. Г. Д. Климова. М.: Этерна. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=623091&pr=1> (дата обращения: 29.04.2020).

**HERO'S POEMS:
ALEXANDR REVICH***Ksenia Alekseevna Pozdnyakova*

Translator, journalist,
works in the Committee on Culture of the State Duma.
103265 Moscow, st. Okhotny Ryad, d. 1.
Email: ksenia.pozdnyakova@gmail.com

Alexander M. Revich (1921–2012) was a poet, translator, professor at the Maxim Gorky Literary Institute as well as a laureate of the State Prize of the Russian Federation in the field of literature (in 1998, for the translation of “Les Tragiques” by Theodore Agrippa d’Abigne). He also was a veteran of the World War II, participant in the Battle of Stalingrad. He had 20 military awards, including two medals of the Great Patriotic War of I and II degree, the medal “For the Defense of Stalingrad” and others. Author of such books as “Trace of Fire: Verses, Poems” (1970), “Bowl: Verses. Poems. Translations” (1999), “Granted Days: Verses, Poems, Translations” (2004), “From the Book of Life: Poems, Notes by a Poet” (2007), “Late Farewell: Lyrics, Poems, Notes” (2010), “Before the Light: On the War. About Moscow” (2013), “And Angels Fly in the Sky. Military Verses and Poems” (2013). All of Revich’s poems were written solely on the basis of his own life experience, and this feature determined the specification of the article, in which the literary analysis is inseparable from the story about author’s personality.

Keywords: A.M. Revich, poem “Beginning”, correlation of art and reality, existential experience.

References

- Mamardashvili M. K. (1995) Lekcii o Pruste (psihologicheskaja topologija puti) [Lectures about Proust (psychological topology of the path)], Moscow: Ad Marginem. URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-philosophy/303781-merab-mamardashvili-lektsii-o-pruste-psihologicheskaya-topologiya-puti.html> (accessed 29 April 2020) (In Russian).
- Revich A. M. (2013) “...A v nebe angely letjat”. Voennye stihy i pojemy [“... And in the sky angels fly.” War poems and poems], coll. by G. D. Klimova. Moscow: Jeterna. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=623091&p=1> (accessed 29 April 2020).